

Я даже не знаю, почему я делаю это. Как навязчивая идея. Я просто должен делать это. Я как-то попытался объяснить кому-то, но слова тут бессильны. Это вроде как голос внутри. Он говорит: «Сделай это!». Я и делаю... Разумеется, сначала нужно запастись необходимыми вещами.

У магазина очень ироническое название. «Радость жизни.» Интересно, оценит кто-нибудь шутку? Там легче всего сделать нужную мне покупку. Ни очередей, ни вопросов. За прилавком стоит какой-нибудь зомбированный болван из нынешнего поколения, нанятый на праздники. Это хорошо. У них зашоренные глаза. Он ни разу не поднял взгляд, он смотрел только на мои руки, отсчитывавшие купюры. И никаких вопросов и анкет: «Как Вы собираетесь использовать Вашу покупку?» Вот она — сегодняшняя молодежь.

Своих жертв я всегда выбираю в больших магазинах. Как я уже говорил, легче всего это делать под Новый Год. Даже забавно... чем больше глаз вокруг тебя, тем меньше ты заметен. Никто тебя не останавливает. Никто не хватает тебя за рукав, когда ты быстро уходишь, сделав дело.

Я охочусь за старушками. Ну вы знаете их. Согбенные, маленькие, они потеряно сидят в своих креслах-каталках. У них морщинистые, печальные лица. Их привозят ко входу и оставляют снаружи, как собачек.

Не скребет по сердцу, а?

Я выбрал свою жертву. Заметил ее у входа в обувной отдел. Она была уже второй за сегодня. Первую я обнаружил у входа в сувенирную лавку. Она сидела, флегматично уставившись в пространство, сгорбившись и оперевшись на слабые руки. У нее на голове был повязан платок. Я улыбнулся, заметив ее. Отлично. Хотя вокруг носилась толпа народу, на нас никто не обращал внимания. Как будто старушка была чем-то вроде табу, или, может быть, люди не смотрели на неё из боязни узнать самих себя через тридцать-сорок лет. Мне это было только на руку. Сотни глаз, но все смотрят только прямо. Никто не увидит, как я сделаю это. То, что я купил часом ранее, терлось о мою грудь за пазухой. Как раз тот размер. И не выпирает из-под плаща, и не видно. Я сделал шаг в ее направлении и сунул руку под плащ. Моё сердце заколотилось. Я уже почти вытащил ту штуку, но...

Как раз в тот момент, словно в отрепетированном спектакле, откуда-то появился милиционер и начал разговаривать со старой леди.

О чёрт! Я поскорее сунул руку обратно во внутренний карман, делая вид, что ищу бумажник, и прошагал мимо. Не думаю, что этот мент меня заметил, и уж тем более он не мог заметить того, что было в моем кармане. Да даже если бы он и увидел, то не смог бы мне помешать. Я бы всё равно осуществил свой план и добрался бы до старушки, даже несмотря на его присутствие.

Но это не стильно. Я не люблю попадаться. Я как призрак. Появляюсь, делаю, исчезаю. Настроение всё же испортилось. Пришлось искать другую цель. Я бродил минут двадцать. Вокруг меня шуршали обёрточной бумагой десятки людей, крепко прижимая к себе перекрученные, сморщеные пакеты, которые всегда напоминают мне о старческой коже. Это те, кто делают покупки в последние минуты уходящего года, спеша домой, чтобы всучить ненаглядному чаду еще одну игрушку за баснословную цену. Конечно. Бедного малыша

схватит судорога и инфаркт, если у него не будет такой же вецицы, как у сына соседа.

Счастливого Нового Года. Блядь.

Я уже почти разочаровался в своей затее и был готов сдаться, но тут я увидел свой второй шанс. Она сидела у обувного магазина. Что за унылые идиоты покупают обувь в Новый Год? Какая мне разница. Важно то, что покупка обуви требует времени, и, значит, эта старушка не скоро вернется домой... Времени для меня было более чем достаточно. Я ворвусь на сцену, сделаю своё дело, и фьюнить! меня как не было. Никто даже не сообразит, что я что-то сделал. Эта мадам была даже лучше, чем та, у сувениров. Хрупкая, сморщенная, с печатью одиночества на лице, волосы подвязаны красным платком. Трогательная картина. Она вздохнула и поправила шаль, лежащую на коленях. На подлокотника кресла висела сумочка. Это плохо. Если бы она увидела меня слишком рано, она могла бы подумать, что я вор и закричать. А это не мой стиль. Я не люблю попадаться. В этот раз придётся быть еще быстрее, чем обычно. Раз! и готово. Как молния.

В моих жилах гулял адреналин. У меня не было выбора, я уже говорил. Я не могу не делать этого. Без этого, жизнь потеряла бы большой кусок смысла для меня. Я потянулся рукой ко внутреннему карману плаща. Сотни глаз, но ни один не смотрит на меня.

Я скользящим, быстрым шагом двинулся вперед. Старушка продолжала смотреть на свою шаль, перебирая ее край своими тонкими пальцами. Она снова вздохнула, печально, безнадежно. Я был почти у цели. Почему она еще не посмотрела на меня? Она должна была посмотреть на меня и увидеть своё отражение в моих глазах. Я просто обязан увидеть, что они видят моё приближение, знают, что оно неизбежно, как сходящий ледник. Да-да, нужно действовать именно с такой быстротой — дать им увидеть, сделать это и раствориться.

Я чуть ли не нависал над ней, когда она наконец-то подняла глаза. Ее взгляд был такой же, как и у всех моих жертв до этого — недоуменный, вопрошающий. Я думаю, такой взгляд у испуганного оленя, которого ослепили фары приближающегося поезда. Я улыбнулся. Я уже знал, что у меня всё получится. Я медленно вытащил то, что купил в «Радости жизни» — белую розу, и протянул её навстречу дрожащим, скрюченным пальцам.

«С Новым Годом вас, дорогая,» сказал я, затем тронул кончиками пальцев шляпу, сделал шаг в сторону и растворился в толпе.